Как мы снимали репортаж о вспышке ковида у золотодобытчиков

Алексей Казанников

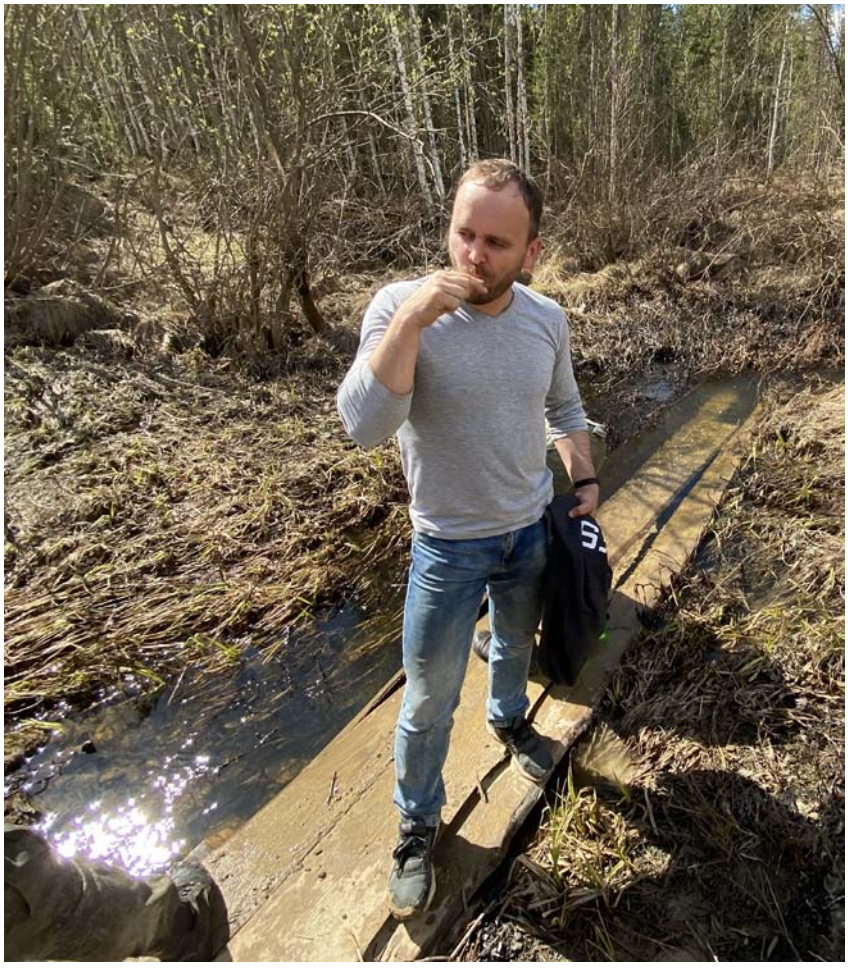
После прилёта в Красноярск я, оператор и звукооператор (он перед срочной командировкой ещё и руку умудрился сломать) не были в курсе, куда нас занесёт нелёгкая

Вспышка коронавирусной инфекции в посёлке золотодобытчиков Еруда случилась в начале мая 2020 года. Инфекция распространялась стремительно — уже спустя три дня число заражённых из нескольких человек превратилось в десятки, а к концу первой недели — в сотни.

Еруда — обособленный закрытый посёлок в 600 километрах от Красноярска, потому единственное разумное решение, которое могли принять власти, — направить туда группировку военных, имеющих возможность и лагерь организовать прямо в поле, и экстренную медицинскую помощь оказать прямо на месте.

Но самое главное — добраться. Больше половины пути от Красноярска до Еруды — бездорожье. Эксклюзивно и абсолютно без предупреждения, в Минобороны приняли решение отправить информационно сопровождать срочную акцию съёмочную группу «Звезды». Честно, даже после прилёта в Красноярск я, оператор и звукооператор (последний, кстати, перед срочной командировкой ещё и умудрился сломать руку) не были в курсе, куда нас занесёт нелёгкая.

Нам, как и десяткам срочников, задействованных в этом марш-броске, было сказано, что главная цель — спасти небольшой населённый пункт от потопа (в Сибири тогда, уже по традиции, бушевали пожары — в одной её части, а в другой — под воду уходили дачные посёлки и жилые дома).



Алексей Казанников — специальный корреспондент телеканала «Звезда», Москва

Так, мы выбрали тему репортажа, по сути, не имея права голоса. И, конечно, когда узнали, что едем в самый очаг болезни, ещё и закрытый ото всей остальной страны, — сто раз перекрестились, что «если бы знали, никуда б не поехали».
Однако в этом ведь и важная грань нашей профессии: едешь на место с мыслями об одном событии, а приезжаешь — совсем в другое. Совершенно. Ничего нельзя предположить, сколько лет, опыта и седин у тебя ни было бы.
К слову, когда мы завершили работу в Еруде, вернулись — ещё даже не в столицу а добрались только до Новосибирска, то есть первой «цивилизации», — уже так сказать не могли: командировка была тяжёлая, но интересная, а полученный опыт — едва ли не дороже золота, которое добывают ерудские бедолаги, заразившиеся коронавирусом. Надеюсь, в эти дни у них всё хорошо.

Самой большой проблемой, без обиняков, была дорога. Она заняла трое суток. Первые 300 км наша группа из десятка КамАЗов отмаршировала бодро, всего за один день. То есть где-то 16 беспрерывных часов в пути. Приём пищи — сухпай, раз в 10 часов — к этому привыкаешь, и привыкаешь довольно быстро. Сложней привыкнуть — ходить в кусты и ночевать на сиденье КамАЗа, зажигание в котором ночью непременно должно быть выключено.
Холод адский: уже в мае в Сибири была жара днём, но ночью температура стремилась к нулю. Как получалась именно такая разница в температурах именно в тех местах, где мы останавливались, — до сих пор для меня загадка.
В редких местах, где можно было поймать интернет, погода в Омске или Новосибирске или Красноярске издевательски вырисовывалась курортной — и днём, и ночью. На неё, кстати, я и ориентировался перед командировкой: +20—25 — поэтому даже лёгкую верхнюю одежду решил не брать.

Но это полбеды. Традиционно для Министерства обороны важна скорость исполнения приказа. Потому бедных срочников-водителей (а таких в КамАЗах было 80 процентов) заставляли ехать практически без сна, еды и отдыха — что уж нам жаловаться, созерцателям и фиксаторам суровой армейской реальности. Бедняги засыпали прямо на ходу.
Когда началось бездорожье, скорость потока снизилась до 5—10 км/ч — и так нужно было передвигаться почти сутки напролёт. Зрение притупляется, «дорога» сливается с небом, а непроходимая тайга по бокам начинает походить на акварель... В общем, пейзаж уже сам по себе превращается в сон.
Потому, конечно, без проблем этот марш пройти

просто не мог. Несколько машин остались в кювете — наутро их эвакуировала ещё более тяжёлая техника... Но это уже другая, совсем не обязательная история. К слову, третья ночёвка в машине прошла на ура: овощное рагу с галетами, тушёное мясо, разогретое на спиртовой таблетке перед сном, — уже начинали претендовать на «мишлен».
Не околеть наутро, правда, не помогли даже матрасы из кузова КамАЗов — их везли для заболевших или попавших в обсервацию вахтовиков с ковидом.

На четвёртый день, когда оказались в Еруде, стало понятно, что работать надо быстро и очень качественно. Посёлок — закрытый, здесь из федералов никто и никогда не снимал, а нам разрешили — только благодаря договорённостям с Минобороны. Однако, используя одно из главных правил в моей журналистской практике «снимай всё, пока не запрещают» вместо «спроси разрешения, можно ли снимать», мы под шумок полетали над Ерудой на квадрокоптере, нашли бедных вахтовиков, которых до развёртывания полевого медицинского и обсервационного лагерей держали просто в корпусах общежитий, спортзале и местном Дворце культуры.

Картина жутковатая, по понятным причинам, сами заболевшие вахтовики идти на диалог не хотели. Но было важно, как минимум, записать стендап на фоне их вынужденной «обсервации». Там они ходили с голыми торсами, загорали, без какой-либо социальной дистанции. То есть заразившиеся ковидом вахтовики наверняка распространяли болезнь и среди тех, кто просто контактировал с заразившимися. Это было неизбежно.

Наиболее интересно работать было на самом предприятии. Там тоже целая проблема — договориться о съёмках, но когда с этим было решено, нам выдали средства индивидуальной защиты — это те самые накидки, как на медсестре, ставшей известной благодаря тому, что надела она её прямо поверх нижнего белья.
Я прекрасно её понимаю, с тех пор, как поработал в такой в Еруде. Ты вмиг становишься мокрым насквозь, ещё только заклеивая последний скотч в районе горла — чтобы твоё тело было полностью защищено от заразы. Медики, работающие с ковидными больными, в такой униформе, к слову, трудятся по шесть часов — это стандартная смена, в течение которой ты регулярно обливаешься потом.
Говорят, привыкаешь. Но когда мы отработали дезинфекцию предприятия, на котором трудятся вахтовики, оператор Андрей Панов, к примеру, вылил где-то 0,5 литра собственноручно произведённой жидкости — из своих сапог. Ему достались болотники... Но и работали мы, по сути, всего-то 40 минут.

В общем, это всё очень интересный и большой полезный опыт. Жалко одно: своими глазами не увидели сами разрабатываемые золотые рудники. Зато взглянули на них сверху — когда улетали в Новосибирск. А ещё забрали по красивому золотому камешку. Говорят, это не позолота, а так называемое золото дураков, не имеющее никакой ценности среди ювелиров. Что ж, пускай и так, зато в моей коллекции сувениров этот камешек займёт особое место — рядом с застывшей лавой камчатского вулкана Корякская Сопка.

Что касается реакции аудитории, смело могу сказать, что такие репортажи — из очагов заболевания, закрытых очагов, то есть мест, которые сами по себе могут стать новым Крымском (вспомните историю с фурами «Магнитов», в которых перевозили трупы затонувших в наводнении), — очень важны.
Я не могу утверждать, что из-за нашего репортажа вахтовики получили экстренную квалифицированную помощь, но могу точно сказать, что страна чуточку успокоилась в сложный для неё период.
Как минимум, население стало чуть меньше переживать за бедных золотодобытчиков (а у нас действительно в стране очень много сердобольных людей) — и здесь мы поспособствовали этому абсолютно без прикрас, а как есть.

К слову, надо добавить, что вся наша съёмочная группа: я — Алексей Казанников, оператор — Андрей Панов и звукооператор — Михаил Андрияновский-Зайцев — коронавирусом не заболели. И не болеем до сих пор, хотя Мишка, например, до Еруды побывал даже в Ухани, где пандемия зарождалась. Такая вот работа.

&